

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Н. И. Губанов

Тюменский государственный медицинский университет

Н. Н. Губанов

*Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана*

Поступила в редакцию 27 июня 2016 г.

Аннотация: необоснованными являются попытки ряда философов устранить из философии и науки категорию истины и заменить ее понятиями смысла, достоверности, правдоподобия. Рассмотрены классическая и неклассические концепции истины. Цель статьи – обоснование гипотезы о возможности синтеза рациональных моментов имеющихся концепций и создания универсальной (общей) теории истины. Ядром такой теории может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истины как знания, соответствующего действительности. Остальные характеристики отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием. Выделены пять критериев истины: эмпирическое подтверждение (ведущий критерий); логическая доказуемость; эвристичность гипотез; простота; красота.

Ключевые слова: истина, парадоксальная самореференция, концепции истины, универсальная концепция истины, критерии истины, эмпирическое подтверждение.

Abstract: unfounded are attempts to resolve a number of philosophers and philosophy of science category of truth and replace it with the concepts of meaning, authenticity, credibility. The classical and non-classical concept of truth. The purpose of the article – rationale for the hypothesis about the possibility of the synthesis of rational points available and will create concepts, of a universal (general) theory of truth. The core of this theory may be the concept of correspondence due to the fact that once it reveals the essence of truth as knowledge corresponding to reality. The remaining concepts reflect a different degree-New adequacy of the different characteristics of true knowledge, the conditions of its achievement, justification, adoption of the scientific community, the functioning, use, and in some cases identify the nature of truth and its criterion. Allocated 5 criteria of truth: empirical evidence (the main criterion); logical provability; heuristic hypotheses; simplicity; beauty.

Key words: truth, concepts of truth, paradoxical self-reference, universal concept of truth, criteria of truth, empirical evidence.

С самого начала возникновения философии категория истины была одной из важнейших ее категорий. Пифагор, которому приписывается сам термин «философия», еще в VI в. до н.э. утверждал: «...Иные... рож-

даются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины» [цит. по: 1, с. 15]. Через два с половиной тысячелетия в 1928 г. один из виднейших ученых XX в. Г. Рейхенбах писал: «Важнейшей целью научной философии можно считать установление понятия объективной истины в качестве высшего критерия философского познания» [2, с. 17]. Таким образом, более двух с половиной тысячелетий философия была нацелена на постижение истины. А в настоящее время категория истины проблематизируется: некоторых философов «жадными» до истины уже нельзя назвать – у них наблюдается тенденция отказа от этой категории.

Такой отказ проявляется в разной форме. А. В. Павлов пишет: «Истина гуманитарной науки ... имеет творческий ... исторически и регионально меняющийся характер и нередко обозначается более слабыми понятиями *достоверности, правды и правдоподобия*» [3, с. 233]. Но в чем их отличие от истины, он не объясняет. В. М. Пивоев отмечает: «Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность, но в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и масс, категория “истинности” не вполне применима, поскольку приобретает субъективно-оценочный подтекст, здесь уместнее использовать категорию “достоверности”» [4, с. 99]. В чем заключается достоверность, автор не сообщает.

Имеется также кардинальная позиция. Она состоит в признании того, что категория истины потеряла свое значение и должна быть устранена не только из философского, но и из научного знания. На этой позиции стоят философы-постмодернисты Р. Рорти, Ж. Деррида и другие [5]. Среди российских авторов тоже есть лица, разделяющие указанную позицию. В журнале «Эпистемология & Философия науки» была проведена панельная дискуссия. Ведущим положением ее было обоснование необходимости смены в науке категории истины другими понятиями. Эта позиция была характерна для Л. А. Марковой, А. П. Огурцова, Ю. С. Моркиной [6]. Л. А. Маркова полагает, что вместо категории истины в науке должна использоваться категория смысла. Она утверждает: «Нечеткость границы между классикой-неклассикой, истиной-ложью, субъектом-предметом приводит к понятию “смысл”, который присутствует в каждой из сторон противостояния» [там же, с. 53]. По мнению А. П. Огурцова, «вместо понятия “истина” теорию науки можно построить на основе понятия “правдоподобность научных теорий”» [там же, с. 66]. Итог упомянутой дискуссии сводится к тому, что как философия, так и наука не нуждаются в категории истины. Однако ученые, представители частных наук, никогда не согласятся с такой позицией. Ученые как искали, так и будут искать истину. Недаром издревле их называли рыцарями истины.

Взгляды Ж. Дерриды и других авторов, не признающих необходимость категории истины, порождают ситуацию парадоксальной самореференции – необходимости отнесения собственных положений к своему учению. Если деконструкция приводит к разрушению всех классических

категорий, в том числе и категории истины, то Ж. Деррида и его единомышленники должны объяснить, полагают ли они, что обосновываемые ими положения истинны. Если их ответ утвердительный, то он логически непоследователен, поскольку раньше они утверждали, что истина отсутствует. Если же их ответ отрицательный, т.е. признается, что их положения неистинны, то трудно всерьез принимать их ключевые положения. Таким образом, последовательное проведение положений постмодернизма вызывает их самоликвидацию: если истина вообще не существует, то утверждения постмодернистов тоже к истине не относятся. Решения этого парадокса нет ни у западных, ни у российских постмодернистов.

Мы солидарны с Ф. А. Селивановым [7], Г. Д. Левиным [8], С. А. Лебедевым [9] и другими авторами в том, что категория истины и в наше время – центральная категория гносеологии и важнейшее, не заменимое никаким другим, понятие науки. С. А. Лебедев, глубоко изучивший проблему научной истины, выделяет следующие ее теории: *корреспондентскую (аристотелевскую)* – истина есть соответствие содержания знания об объекте самому объекту; *когерентную* – истина есть логическое соответствие некоторого высказывания другим высказываниям, принятым за истинные; *конвенционалистскую* – истина является условным соглашением об адекватности некоторого высказывания своему предмету; *прагматистскую* – истина есть теория, концепция, приносящие пользу, успех; *инструменталистскую* – истина – это знание, представляющее собой описание совокупности операций, ведущих к достижению цели или решению задачи; *консенсуалистскую* – истина – результат длительных когнитивных коммуникаций по достижению консенсуса среди членов научного сообщества о признании знаний в качестве истинных; *интуитивистскую* – истина – интуитивно очевидное знание, не нуждающееся в эмпирическом обосновании или доказательстве; *эмпиристскую* – истина есть или фиксация наблюдения, или знание, следствия которого подтверждаются наблюдением и экспериментом; *психологистскую* – истина – знание, в адекватность которого ученые верят [там же, с. 8–9].

С. А. Лебедев справедливо полагает, что «главной объективной причиной неоднозначности решения проблемы истины... является качественное разнообразие различных видов научного знания» [10, с. 7]. По его мнению, «каждая из... концепций отражает... некоторый реальный аспект бытия реальной науки и процесса научного познания... Однако... у каждой из них есть и один достаточно серьезный изъян. Это их претензия на универсальность и необходимость» [там же, с. 9]. Возможно ли создание универсальной, общей теории истины? Думается, что да. Наличие качественного разнообразия познавательных процессов и необходимость их постижения – это не какая-то уникальная, а типичная когнитивная ситуация, обусловленная диалектикой единичного и общего. Во всех сферах познание движется от знания единичного к знанию общего. Например, существует много энергетических процессов, но имеется общее понятие энергии. Врачи имеют дело с множеством забо-

леваний, но существует общее понятие болезни. И так везде и повсюду. Поэтому возможно и общее понимание истины. В противном случае мы бы перешли на позиции гносеологического номинализма: отдельные познавательные процессы есть, а общего понятия истины быть не может. По-видимому, общая теория истины еще не создана из-за чрезвычайной сложности и многообразия когнитивных процессов.

Какой же может быть эта общая, или универсальная, теория истины? Наша гипотеза заключается в следующем. Ядром общей теории истины может стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истинного знания. По словам Декарта, четко и наиболее кратко сформулировавшего главную идею теории корреспонденции, «истина... означает соответствие мысли предмету» [11, с. 604]. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием.

Истинное знание обязательно предполагает сведения об определенной внешней по отношению к сознанию человека реальности. Знание, ограниченное само в себе, не относящееся к действительности, обладать истинностью не может. В связи с этим мы и считаем, что только теория корреспонденции раскрывает сущность истины. *Истинное знание всегда есть знание об определенном предмете*, а не просто знание. Если отсутствует соотнесенность с предметом, то категория истины смыслом не обладает. Истины беспредметной, истинного знания ни о чем, не существует. Как справедливо отмечает В. В. Ильин, «познание бывает либо предметным, либо никаким» [12, с. 93].

И повсюду истина представлена соответствием знания своему предмету, т.е. части действительности, с которой познающий человек взаимодействует. В философских и социально-гуманитарных науках истина, предметы и объекты познания обладают особенностями. Они имеют более выраженную, чем объекты естественных наук, степень уникальности, очень сложны и изменчивы, включают в себя субъективную реальность, которая не обладает физическими свойствами. Но эти особенности можно учитывать, не прибегая при этом к отказу от трактовки истинного знания как соответствия.

В XX в. теория корреспонденции столкнулась с серьезными трудностями, что привело к отказу от нее ряда ученых и философов. Одна из трудностей связана с характером объекта изучения в квантовой механике; этот объект не является натуральным, а существует только в условиях экспериментальной установки, например поток элементарных частиц. И возникает сложная проблема – можно ли к окружающей реальности отнести знания, полученные в эксперименте? Скорее напрашивался вывод, что эти знания можно отнести к сконструированной, но не объективной реальности, а выявление соответствия с объективной реальностью не имеет смысла. Вывод правдоподобен, но не адекватен.

В неклассической физике проблема познания усложняется: необходимо, во-первых, соотнесение знания с эмпирическим объектом и, во-вторых, его соотнесение с дисциплинарной онтологией, т.е. с физической картиной мира. Процедура «вписывания» знания об эмпирическом объекте в дисциплинарную онтологию является весьма сложной.

Трудная для теории корреспонденции ситуация возникла также тогда, когда квантовая механика, космологические теории, теории происхождения жизни и другие столкнулись с невозможностью установления соответствия знания предмету, отсутствием прямых эмпирических подтверждений выдвигаемых гипотез. Однако то, что не было эмпирических подтверждений, говорит не о том, что теория соответствия неверна, а о том, что эмпирические подтверждения еще не найдены. Все ученые настойчиво ищут эти подтверждения и рано или поздно их находят. Приведем известный пример. В первой половине XIX в. существовали гипотезы о химическом составе Солнца. Но как верифицировать эти гипотезы, никто не мог даже вообразить с учетом 150 млн км расстояния до Солнца и ее чудовищной температуры. О. Конт назвал химический состав Солнца и звезд непознанным и навеки непознаваемым фактом [1, с. 256]. Казалось бы, утверждение Конта неопровержимо. Но в 1859 г. Г. Кирхгоф и Р. Бундзен изобрели спектральный анализ, с помощью которого был определен химический состав Солнца. На нем, кстати, был обнаружен в 1868 г. гелий, тогда как на Земле его нашли лишь в 1895 г. Мы не можем принципиально предсказать научные и технические открытия, ибо они бы перестали быть таковыми. Мы можем экстраполировать лишь имеющиеся тенденции. Поэтому никаких границ в постижении мира, в том числе эмпирической верификации гипотез, установить нельзя, поскольку мы не знаем, что может дать наука и техника в будущем.

Покажем далее возможное соотношение корреспондентской теории с другими учениями. В концепции когеренции, как известно, под истинной понимается такое знание, которое согласовано с другим знанием. Быть истиной означает служить элементом непротиворечивой системы знаний. Таким образом, концепция когеренции *от предмета истины абстрагируется* и поэтому сущности истины не раскрывает. Но она описывает такие свойства истины, как логическая непротиворечивость, системность, целостность. Благодаря указанным трем качествам истины функционирует логический критерий истинности – возможность доказательства адекватности определенных положений без эмпирической проверки. Поэтому концепция когерентности не альтернативна, как иногда считают, а дополнительна к теории корреспонденции и способна существенно обогатить последнюю.

Аналогично этому, эмпиристская концепция Ф. Бэкона тоже не раскрывает сущности истины, а утверждает, что эмпирическое подтверждение – критерий истины. Конвенционалистская и близкая к ней конвенсуалистская концепции описывают условия принятия научным сообществом знания как истинного. Как известно, нет окончательного ни эмпирического, ни теоретического подтверждения истинности теорий.

Эти учения могут показать, при каких обстоятельствах прерывается регресс в бесконечность при обосновании теории, и она признается истинной. Так, достижение консенсуса в ходе когнитивного переговора ученых в отношении приятия истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовало около 200 лет, неевклидовой геометрии – около 50 лет, квантовой механики – около 25 лет, частной теории относительности – около 15 лет [10, с. 17].

В прагматистской концепции сущность истины приравнивается к ее критерию, который при этом толкуется неверно (польза в делах). Но при правильной трактовке из этой концепции можно извлечь рациональное зерно об условиях использования научного знания во благо, а не во зло людям. Инструменталистская концепция может раскрывать условия использования истинных знаний для эффективной теоретической и практической деятельности. Психологистская и интуитивистская концепции могли бы раскрыть роль субъективных факторов – интуиции, веры, воли – в порождении научной истины. Но в любом случае сущность истины – соответствие знания своему предмету. Таким образом, имеется перспектива синтеза на базе корреспондентской концепции рациональных моментов других учений и создания универсальной теории.

Перейдем теперь к проблеме критерия истины. Рационалисты Г. Лейбниц, Б. Спиноза, Р. Декарт таким критерием считали отсутствие сомнения, очевидность, отчетливость и ясность мысли. Конечно, отчетливость и ясность – положительные качества в мышлении (в сравнении с запутанностью и туманностью), но критерием истины их считать нельзя. Некоторые из заблуждений могут быть несомненными, отчетливыми и ясными, к примеру, впечатление о движении Солнца вокруг нашей планеты. Представители прагматизма в качестве критерия истины полагали пользу. Действительно, адекватное знание может принести и приносит людям пользу, но и обман кому-то может быть полезным, даже более полезным, чем сама истина. Поэтому, кстати, он существует и неудержимо распространяется.

Представители конвенционализма и консенсуализма в качестве критерия истины полагали соглашение ученых: истина – такое знание, которое ученые согласились считать истинным. Но история науки показывает, что критерием истинности соглашение ученых не является. Наблюдались ситуации, в которых большинство ученых признавали неистинной верную идею, и наоборот, ошибочную идею принимали за истинную. Не служит соглашению и причиной истинности. Ею является соответствие знания своему предмету. И если ученые в ходе когнитивных переговоров убеждаются, опираясь на доказательства, а частично на веру и интуицию, что такое соответствие имеет место, то в этом случае возникает консенсус по поводу того, что данное знание истинно. Следовательно, соглашение – следствие доказательства истинности данных положений.

Аналогичный конвенционалистскому показатель истинности знания признавали А. Богданов и другие сторонники теории общезначимости:

истинным является знание, которое отвечает мнению большинства. Однако критерием истины общезначимость, как и научный консенсус, не является. Она – одно из возможных следствий истинности знания. Еще Р. Декарт справедливо отмечал, что большинством голосов вопрос об истине не решается.

Представители тех областей духовной сферы, которые отличаются значительными элементами догматизма, под критерием истины нередко понимают мнение авторитета. Это относится к религии и политической идеологии недемократических режимов. Истинными здесь признаются положения, которые согласуются с высказываниями лидеров, выдержками из политических документов, религиозными текстами. В этих случаях лидерам неофициально, а в некоторых случаях и официально, приписывается непогрешимость, например папе римскому. Учет мнений авторитетных людей важен, конечно, в особенности молодым людям. Но и носителю авторитета, как и любому человеку, свойственно ошибаться.

Итак, ни ясности и отчетливости мысли, отсутствию сомнения в ее правильности, ни пользе, ни соглашению ученых, ни мнению большинства людей, ни свидетельству авторитета нельзя приписать качество критерия истины. На основе анализа развития научного знания, истории развития познания вообще, можно заключить, что ведущий критерий истины – эмпирическое (опытное) подтверждение, которому подвергаются гипотезы и теории.

Опыт включает в себя наблюдение и практику (деятельность по изменению бытия, его преобразованию), в том числе научную практику – эксперимент. Основоположителем учения об опыте как критерии истины, по-видимому, следует считать Ф. Бэкона, который, в частности, писал: «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте» [13, с. 35]. В дальнейшем это учение в разных аспектах разрабатывалось Д. Локком, Л. Фейербахом, К. Марксом, Ф. Энгельсом, философами-неопозитивистами и большинством отечественных философов XX в. Эмпирическое подтверждение имеет несколько форм, но базовый его элемент – наблюдение. Но не отдельное, единичное наблюдение, а статистически достоверное: в нем снято воздействие случайных, непредвиденных факторов, исключаются ошибки чувственного восприятия, погрешности приборов. Как базовый компонент критерия истины наблюдение бывает двух видов.

Первый из них представлен чистым наблюдением, которое осуществляется без вмешательства в естественные процессы. Пример такого случая – подтверждение предположения У. Лаверье о наличии неизвестной планеты телескопическим наблюдением И. Галле, обнаружившим ее всего в 52 минутах от предвычисленного места. Планета была названа Нептуном. Другой вид – наблюдение, входящее в состав практики, представленной деятельностью по изменению бытия. Каждый вид познания характеризуется собственными видами подтверждения как критерия истинности знания. В естественных науках подтверждение представлено

проверочными экспериментами (специфическим видом), промышленностью, техникой, сельским хозяйством (общими видами), в медицине – клинической практикой и частично экспериментами, в философии – всей совокупной человеческой практикой.

Для понимания способа эмпирического подтверждения как критерия истины необходимо рассматривать цельный познавательный цикл, который представлен проблемой, гипотезой и теорией. Начинается научное познание постановкой проблемы. Усилия по ее решению порождают гипотезу – систему предположений, выдвинутых на базе имеющихся теоретических знаний и фактов. Гипотеза имеет не достоверный, а вероятностный характер, она требует обоснования, проверки. С помощью умозаключений из гипотезы получают следствия – возможные факты, ожидаемые результаты. В последующем эти ожидаемые результаты сравнивают с данными опытной проверки, произведенной на базе данной гипотезы. В случае совпадения ожидаемых и практических результатов в ходе множества испытаний проверяемая гипотеза может быть признанной в качестве истинной и приобрести статус научной теории или стать ее фрагментом. Если эмпирические и ожидаемые результаты находятся в резком противоречии, то гипотеза признается ошибочной и в последующем заменяется на другую. Но чаще эмпирической проверкой гипотеза в чем-то подтверждается, а в чем-то нет. В этом случае гипотеза видоизменяется, модифицируется и снова проверяется. В ходе проверок следует учитывать все наличные результаты опыта, а не только отдельные факты.

Использование ограниченной или устаревшей практики может послужить причиной заблуждения. Если выдвигается несколько гипотез, то более достоверной считается та из них, которая предсказала больше фактов, обнаруженных в реальности. Эмпирическая проверка корректирует гипотезу до тех пор, пока она не даст удовлетворительного объяснения всей совокупности имеющихся фактов. Доказательство истинности гипотетического знания в целом происходит в виде логически последовательной цепи рассуждений, а отдельные звенья ее – но не все, что невозможно, – проверяются эмпирически.

Авторы, отрицающие необходимость понятия истины, используют известное кантовское положение о том, что человек знает только свои восприятия и не знает, каковы предметы вне восприятия, сами по себе. Они полагают, что критерий истины отсутствует, поскольку невозможно сопоставить предмет и знание о нем. Д. Юм, как известно, еще считал, что поэтому нельзя полагать, что объекты вообще существуют, может быть, их совсем нет. Однако этот аргумент не является опровержением концепции соответствия знания предмету. Да, И. Кант, Д. Юм и многие другие скептики и агностики правильно отмечали, что людям даны не сами предметы, а ощущения и восприятия. Они правы и в том, что человек не может свое знание прямо, т.е. непосредственно, сопоставлять с предметом.

Но они не принимали во внимание то, что человек имеет для этого косвенный, опосредованный опытом, способ, который представляет собой

сравнение двух образов [2]. Субъектом изучается объект и формируется знание о нем. Еще не известно, является ли оно истинным. Далее субъект оперирует полученным знанием по законам логики. Это приводит к созданию модели (образа) предполагаемых, ожидаемых явлений, т.е. представления о них. Затем либо с помощью эксперимента, направленного на воспроизведение ожидаемых явлений, либо с помощью наблюдения за естественным течением событий – в случае невозможности или ненужности эксперимента – субъект производит сравнение своей модели ожидаемых явлений с восприятием реальных явлений. И если происходит их совпадение, то субъект считает знание, из которого выведены ожидаемые и подтвержденные следствия, истинным, т.е. соответствующим предмету.

Так, Д. И. Менделеевым при изучении свойств химических элементов был открыт периодический закон. На его основе им было предсказано, что существуют еще три неизвестных элемента. Им были также описаны свойства этих элементов. Предсказание Д. И. Менделеева полностью оправдалось: эти элементы были обнаружены и названы скандием, германием и галлием. Чем же объясняется совпадение модели предсказываемых явлений с образом реальных явлений? Только тем, что Д. И. Менделеев обладал знаниями, которые соответствовали реальности. А поскольку знания истинны, то и предметы этих знаний существуют.

Итак, совпадение ожидаемых результатов, умственно моделируемых, с результатами эмпирической проверки служит подтверждением как истинности знания, так и объективного существования внешнего мира. Для обеспечения достоверности ученые производят, конечно, не единственную, а много проверок. Развитие научного знания – это непрерывный ряд гипотез и их проверок. В результате этого гносеологически знание все больше приближается к предмету.

Относительно чувственных восприятий, которые представляют собой единственный непосредственный канал связи сознания человека с внешним миром и обязательно участвуют в эмпирической проверке знаний, можно отметить следующее: адекватность (информативный, образный характер) восприятий подтверждает факт успешной ориентировки субъекта в среде [14]. Если бы восприятия не были адекватными, то человеку пришлось бы наткнуться на предметы, попадать под машину, падать в ямы, съедать несвежие продукты, обжигаться о горячие объекты и т.п. При некоторых условиях восприятия становятся неадекватными в виде иллюзий и галлюцинаций. Это становится известным тоже из практики, когда наблюдается нарушение ориентировки человека, что входит в предмет психиатрии.

Таким образом, эмпирическая проверка, представляющая собой ведущий критерий истины и состоящая в сравнении моделей ожидаемых явлений с образами действительных явлений, служит в качестве косвенного способа сопоставления знания с действительностью. И другим способом человечество не обладает – уж такова природа нашего познания. И если кого-то это огорчает, то, говоря словами известного классика, «ему

уж ничем нельзя помочь». К счастью, выдающиеся научные открытия и вся история науки демонстрируют, что отмеченное обстоятельство нельзя рассматривать как непреодолимое препятствие для развития науки. Ученые не обращают внимания на положение агностиков о принципиальной невозможности сравнения образа и предмета. Они используют отмеченный нами выше косвенный метод сравнения и делают одно за другим свои триумфальные открытия.

В определенной мере трудности при обосновании истинности знания преодолеваются благодаря существованию иных ее критериев. И один из них – логическая доказуемость. При его применении к эмпирической проверке непосредственно не прибегают. Логический критерий производится от опытного в следующих отношениях: 1) логическое доказательство основано на положениях, которые ранее были подтверждены эмпирически; 2) полученный логическим способом результат вновь проверяется опытным способом.

Некоторую роль играет еще такой критерий истинности, как эвристичность – результативность использования данного знания в последующем познавательном процессе. Знание может быть признано адекватным, если оно дает возможность продуктивно решать новые когнитивные задачи. Для такого знания характерен опережающий теоретический рост в сравнении с возрастанием опытных данных. Указанный критерий отсеивает тривиальные идеи, которые не обеспечивают прироста информации. К таковым относятся, к примеру, идея «непознаваемой жизненной силы» в медицине и биологии, идея «Абсолютного начала Вселенной» в космологии. Эти идеи дают псевдообъяснения и не обеспечивают никакого прироста знаний.

Если эмпирическая проверка либо невозможна, либо пока недостаточна, например, в математике, геологии, палеонтологии, космологии, то кроме логического критерия могут быть использованы в качестве критериев *простота* и *красота*. Они представляют собой средство выявления предпочтительности в ходе выбора конкурирующих гипотез. Простота обеспечивает объяснение изучаемого предмета наименьшим количеством положений. Какая из предложенных гипотез является наиболее простой? Та, которая для объяснений новых эмпирических данных не использует новые непроверенные допущения и уловки.

Красота является эстетическим критерием. Она характеризует знание в аспекте субъективной удовлетворенности исследователя, зависящей от совершенства, гармонии гипотезы. По-видимому, данный критерий обладает некоторой эффективностью, в силу того что окружающий мир красив сам по себе. В результате этого и картина мира, которую дают науки, тоже должна обладать красотой. Ученый производит интуитивную оценку различных гипотез. Более гармоничная, стройная, изящная из них признается и более истинной. Последним двум критериям не присуща высокая надежность в сравнении с эмпирической проверкой, служащей наиболее надежным и определяющим критерием истины.

В заключение можно отметить, что имеется принципиальная возможность синтеза адекватных моментов имеющихся концепций истины и создания ее общей теории. Ядром такой объединенной теории может стать концепция корреспонденции, поскольку она фиксирует характер гносеологической связи между субъектом и объектом. А познавательный процесс протекает в системе субъект – объект, даже если объект человеко-размерный, а субъект как элемент входит в объект. Соответствие знания субъекта объекту как истинное и фиксирует концепция корреспонденции. Верификация этого соответствия осуществляется эмпирическим подтверждением, которое служит косвенным способом сравнения знания с реальностью посредством сравнения двух образов – ожидаемых явлений и реальных. Таким образом, любой ученый явно или неявно использует концепцию корреспонденции. Неявное использование концепции корреспонденции мы видим при квалификации научных кадров. В любой диссертации имеется определение предмета исследования и положений, выносимых на защиту. Задача соискателя – показать соответствие его положений предмету, – а это и есть истинность по концепции корреспонденции. Наибольший результат, по-видимому, может дать синтез концепций корреспонденции и когеренции. Первая из них выявляет сущность истинного знания, а вторая раскрывает его структуру и системность. Другие концепции истины также содержат адекватные моменты, и задача дальнейших исследований заключается в их экспликации и объединении.

Литература

1. Царегородцев Г. И. *Философия* / Г. И. Царегородцев, Г. Х. Шингаров, Н. И. Губанов. – Изд-е 4-е. – М. : Изд-во СГУ, 2012. – 452 с.
2. Рейхенбах Г. *Философия пространства и времени* : пер. с англ. / Г. Рейхенбах. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
3. Павлов А. В. *Логика и методология науки* / А. В. Павлов. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 344 с.
4. Пивоев В. М. *Социальные и гуманитарные науки : специфика и соотношение* / В. М. Пивоев // Вестник Ишимского гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова. – 2013. – № 3. – С. 91–101.
5. Губанов Н. И. *Нищета философии постмодернизма* / Н. И. Губанов // *Философия и общество*. – 2007. – № 1. – С. 54–68.
6. Маркова Л. А. *Панельная дискуссия* / Л. А. Маркова, А. Л. Никифоров, А. П. Огурцов, Ю. С. Моркина // *Эпистемология & Философия науки*. – 2009. – Т. XXII, № 4. – С. 48–77.
7. Селиванов Ф. А. *Благо, истина, связь* / Ф. А. Селиванов. – Тюмень, 2008. – 260 с.
8. Левин Г. Д. *Истина и рациональность* / Г. Д. Левин. – М. : Канон +, 2011. – 224 с.
9. Лебедев С. А. *Курс лекций по философии науки : учеб. пособие* / С. А. Лебедев. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. – 318 с.
10. Лебедев С. А. *Научная истина и ее критерии* / С. А. Лебедев // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. – 2012. – № 4. – С. 7–22.

11. Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт / Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.

12. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 168 с.

13. Бэкон Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон / Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.

14. Царегородцев Г. И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания / Г. И. Царегородцев, Н. И. Губанов // Вестник АМН СССР. – 1978. – № 4. – С. 64–70.

Тюменский государственный медицинский университет

Губанов Н. И., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории

E-mail: gubanov48@mail.ru

Tel.: 8-912-079-92-44

Tyumen State Medical University

Gubanov N. I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy and History Department

E-mail: gubanov48@mail.ru

Tel.: 8-912-079-92-44

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

Губанов Н. Н., доктор философских наук, доцент кафедры философии

E-mail: gubanovnn@mail.ru

Tel.: 8-915-197-62-45

Moscow State Technical University named after N. E. Bauman

Gubanov N. N., Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Philosophy Department

E-mail: gubanovnn@mail.ru

Tel.: 8-915-197-62-45